

УДК 004:316.776

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_11_87

Н.У. Ярычев

Грозный

Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова
nasrudiny@mail.ru**ВИРТУАЛЬНЫЕ КЛАДБИЩА КАК ФЕНОМЕН
DIGITAL MEMORY STUDIES**

Цифровые практики сохранения памяти (digital memory studies) – одно из актуальных направлений современных мемориальных исследований. Статья посвящена осмыслению сущности основных виртуально-мемориальных явлений, составляющих предметную область данной сферы: веб-мемориалы, мемориальный кластер социальных сетей, виртуальные кладбища. Особое внимание в статье уделяется специфике восприятия виртуальных кладбищ современными чеченцами как представителями консервативного типа мемориальной культуры.

Ключевые слова: мемориальная культура, digital memory studies, кибермемориализация, веб-мемориалы, виртуальные кладбища.

Тенденция переводить различные формы мемориальной активности в плоскость их виртуального существования зародилась довольно давно, но стала особенно очевидной вместе с тотальным распространением мировой паутины. В сетевом пространстве мемориальные сообщества или сообщества, так или иначе связанные с феноменом памяти, заняли свою востребованную нишу и обрели устойчивую аудиторию.

В связи с ростом популярности такого рода проектов актуализировалась потребность в их научном осмыслении, поэтому в структуре современных memory studies сформировалось отдельное направление digital memory studies (исследования виртуальных форм мемориализации). Однако сегодня все еще можно говорить о том, что конкретно-исследовательское, теоретико-методологическое содержание данного направления находится на стадии своего оформления. В актуальном же срезе наблюдается доминирование не столько научного, сколько повседневного интереса к проблеме цифровой памяти.

Предметная область digital memory studies сосредоточена вокруг «исследований цифровых практик сохранения

памяти, цифровых платформ, позволяющих обмениваться “воспоминаниями”, и дополнительных цифровых инструментов для репрезентации памяти» [1]; сравнительного анализа цифровых и «аналоговых» форм взаимодействия с памятью (хранение, распространение, визуализация и пр.) [2]; осмысления различных субъектов цифровой памяти [3; 4].

На сегодняшний день существует множество различных виртуальных мемориальных проектов¹, которые можно классифицировать по самым разным основаниям, таким как:

- открытость или закрытость сообщества;
- наличие или отсутствие возможности сетевой активности и коммуникации пользователей (пополнение и/или обсуждение мемориального контента);
- совпадение или контрастность по отношению к официальной политике памяти;
- наличие или отсутствие подразумеваемого практического эффекта

¹ Мы предлагаем использовать этот предельно общий и относительно нейтральный термин, вмещающий в себя многообразие сетевого мемориального контента.

(нахождение человека, информации, артефактов и пр.);

- наличие или отсутствие «реального» дублера виртуального сообщества;
- масштабность или узкая специализированность аудитории и пр.

С точки зрения специфики контента и формата можно выделить три наиболее востребованные группы виртуальных мемориальных проектов.

1. Веб-мемориалы, то есть сообщества, посвященные, как правило, одному историческому событию, вокруг которого формируется контент и объединяются пользователи – непосредственные участники события, очевидцы, родственники пострадавших (таким событием может быть война, социальная или природная катастрофа и пр.).

В российском интернет-пространстве примерами веб-мемориалов являются официальный сайт проекта «Бессмертный полк» и «Книга памяти» (мемориализация участников Великой Отечественной войны), «Бессмертный барак» и «Последний адрес» (объединение людей, чьи родные и близкие стали жертвами сталинских репрессий), «ПВ КГБ СССР в Афганистане в 1979–1989» [сообщество участников войны в Афганистане] и др. Одним из самых ярких зарубежных примеров веб-мемориалов является интернет-сообщество жертв теракта 11 сентября 2011 г. в США.

2. Мемориальный кластер социальных сетей. Не только отдельные специализированные тематические сообщества, но и целые социальные сети адаптируют собственную политику под мемориальные запросы.

Например, в «Живом журнале» есть возможность создания «Мемориального блога», а также передачи права на пользование аккаунтом в случае смерти владельца третьему лицу. Согласно политике «ЖЖ» блогу присваивается статус мемориального в случае доказанной смерти его владельца. С одной стороны, это предотвращает удаление блога как неактивного, а с другой – делает невозможным дальнейшее пользование им (разме-

щение новых постов, комментарии уже существующих и пр.)¹.

Аналогичная опция предусмотрена и в «Фейсбуке» [запрещенном в России]. Там же предлагается опция «напоминания», неоднозначно оцениваемая с морально-этических позиций, следствием которой является нередкое «всплытие» фотографий людей, которых уже нет в живых [5, с. 7].

Б. Кэррол и К. Ландри на примере анализа социальной сети MySpace классифицировали мотивацию создания и поддержания так называемых «мертвых страниц»:

- выражение скорби в связи со смертью человека;
- обращение к умершему человеку за помощью;
- констатация положительных качеств умершего, его неповторимости;
- рассказ о жизни умершего, основных этапах биографии;
- анализ ценностных ориентаций умершего человека, дорогих ему вещей и людей, размышление о роли религии в его жизни и пр. [6, с. 342].

В некотором смысле любая социальная сеть является мемориальным сообществом, поскольку помимо возможности общения «в моменте» предоставляет возможность создания персонального фото-, аудио- и видеоархива.

К аналогичным выводам пришли Дж.Р. Брюбейкер, Дж.Р. Хейз и П. Дариш в работе «За пределами могилы: Facebook как новое пространство темы смерти и траура» [7]. Данное исследование посвящено коммуникации, разворачивающейся на страницах умерших пользователей социальной сети Facebook. По мысли ученых, современные социальные сети могут рассматриваться как специфическая мемориальная площадка, на которой среди прочих презентуются и эмоциональные стра-

¹ Что делать, если пользователь Живого Журнала умер? Что такое «мемориальный» статус? Служба поддержки Живого журнала. 01.10.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livejournal.com/support/faq/326.html> [дата обращения: 09.02.2023].

тегии публично ориентированного траура: «Вместо того чтобы рассматривать онлайн-практики как нарушение традиционных практик скорби и мемориализации, мы рассматриваем их как новые места, в которых происходит публичное оплакивание» [7, с. 1].

3. Виртуальные кладбища. Под виртуальными кладбищами мы понимаем специализированные сайты, выступающие площадками виртуальной мемориализации умерших (или погибших) людей. Специфическими чертами таких сайтов являются, во-первых, масштабность морального контента, который измеряется сотнями и тысячами имен, во-вторых, пользовательская активность, то есть наличие возможности добавлять аккаунты, вносить или обновлять контент, участвовать в обсуждении.

В России наиболее востребованными (как по числу подписчиков, так и по числу «виртуальных могил») являются два виртуальных кладбища – «Помни» и «Российское виртуальное кладбище». Оба сервиса направлены на сохранение и публичную визуализацию памяти об умерших людях, на обеспечение мемориальной коммуникации между их родными и близкими, на предоставление различных «мемориальных опций» (написание «авторского» некролога, напоминания о значимых днях памяти и пр.).

Функционально виртуальные кладбища создаются для:

- сохранения памяти об умершем человеке предельно долгого и ограниченного только техническими возможностями ресурса;

- обеспечения доступа к виртуальной «могиле» умершего человека при невозможности посещения кладбища в режиме реального времени;

- актуализации памяти о близком человеке посредством публичного размещения и периодического обновления информации о нем, а также посредством обеспечения виртуальной коммуникации по поводу его смерти (практически на сайтах всех мемориальных кладбищ

транслируется слоган «Мы живы, пока о нас помнят»);

- формирования общей осведомленности в сфере публичного траура (такого рода сайты дают возможность получать информацию о смерти/гибели известных людей);

- актуализации дат поминовения (практически все виртуальные кладбища предоставляют опцию напоминания о днях траура).

Типологически виртуальные кладбища чрезвычайно разнообразны. Например, Т.А. Рунаев выделяет следующие типы:

- виртуальные кладбища при похоронных агентствах, являющиеся цифровыми двойниками реальных захоронений;

- социально-сетевые кладбища (аккаунты в социальных сетях умерших пользователей – мы их выделяем в отдельную категорию);

- «чистое» виртуальное кладбище (сайт, изначально созданный под моральный контент) [8, с. 113-116].

Существуют и другие варианты классификации и типологизации виртуальных кладбищ, например, в зависимости от их массовости, экономической политики (наличия или отсутствия платных услуг), аудитории («звезды» или обычные люди), разнообразия дополнительных опций и т. п.

В целом виртуальные кладбища стоит рассматривать как некий общедоступный вариант обретения бессмертия. По словам О. Мороз, «в культуре уже есть механизмы проработки культурного и социального бессмертия – ситуации, при которой человек остается действующим субъектом даже после физической смерти. Раньше от людей тоже оставалось много документов, писем, свидетельств, которые позволяли их авторам и адресатам символически жить в социальном мире. Но нужно было быть своего рода культурным героем, чтобы сохраниться в вечности, а теперь такая возможность есть у всех» [1].

Безусловно, обозначенный перечень мемориальных интернет-площадок не

иллюстрирует их реального многообразия. Существуют десятки сообществ, специализирующихся на генеалогии, локальной истории (группы в социальных сетях, посвященные сбору артефактов об истории того или иного города, улицы, рода и пр.). Есть ресурсы, ориентированные на поиск людей, в том числе умерших (самый известный – портал «Жди меня»). При масштабных допущениях Интернет в целом можно рассматривать как пространство мемориализации или как глобальное место памяти [9, с. 134].

Это вполне справедливо, если ориентироваться на признаки мест памяти, которыми их наделял автор самого концепта «место памяти» П. Нора: «На самом деле они являются местами в трех смыслах слова – материальном, символическом и функциональном, – но в очень разной степени. Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой. Даже чисто функциональное место, такое как школьный учебник, завещание или ассоциация ветеранов, становится членом этой категории только на основании того, что оно является объектом ритуала. Минута молчания, кажущаяся крайним примером символического значения, есть как бы материальное разделение временного единства, и она же периодически служит концентрированным призывом воспоминания. Три аспекта всегда сосуществуют» [10, с. 17].

В рамках данной работы мы не ставили перед собой цели комплексного и системного осмысления digital memory – это без преувеличения цель самостоятельного исследования. Мы бы хотели дополнить теоретические положения, раскрывающие суть виртуальной мемориализации в целом и виртуальных кладбищ в частности прикладными данными, результатами исследования современной мемориальной культуры Чечни¹, в рамках которого мы отдельно акцентиро-

вали внимание на изучении ее реальной и потенциальной адаптации к сосуществованию реальных и виртуальных форм мемориализации.

Ответы, полученные на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что создаются виртуальные кладбища, персональные страницы умерших людей и в целом – память об умерших людях получает виртуальную форму?», в целом можно разделить на три типа: отрицательные, положительные и нейтральные.

Последние представлены вариантами ответов: «никак», «мне все равно», «не имею об этом никакого представления». Эти ответы стали наиболее популярными (43,3 %). Можно предположить, что это связано, главным образом, с новизной самого явления, отсутствием длительной практики его существования в рамках чеченской мемориальной культуры, экзотичностью для них данной формы мемориализации.

Отрицательные ответы (34,4 %) в целом ограничивались констатацией негативного отношения к виртуальным кладбищам. В качестве аргументов своей позиции участники опроса сформулировали следующие аргументы:

- предпочтительность традиционных форм поминовения (молитвы, посещение реальных кладбищ) как значимой части бытового уклада (мемориальные традиции);

- этическое несоответствие виртуальных кладбищ религиозным представлениям («умерших надо отпускать с миром согласно исламу»);

- необходимость принимать смерть как неизбежное продолжение жизни и не создавать иллюзорные формы бессмертия;

- принципиально негативное отношение к виртуальной реальности в целом.

Положительное восприятие виртуальных кладбищ (23,3 %) связано со следующими установками респондентов:

- возможность использования новейших цифровых технологий (представляющих уникальные возможности) для

¹ Метод глубинного интервью, 90 респондентов в возрасте от 18 до 78 лет, этнические чеченцы, проживающие на территории республики.

сохранения памяти об ушедших близких и родных;

– возможность оперативного, массового, удаленного получения информации об «ушедших героях чеченского народа»;

– ресурс для генеалогических изысканий.

Несмотря на достаточно большой процент респондентов (около четверти опрошенных), разделяющих позитивное восприятие виртуальных кладбищ, все же подавляющее большинство относится к данной актуальной форме мемориализации либо нейтрально-скептически, либо категорически отрицательно. В целом такая позиция коррелирует с ответами участников опроса об их сетевой мемориальной активности. Напомним, что 99 % из них на вопрос о членстве в виртуальных сообществах мемориальной тематики ответили отрицательно.

Стоит также отметить, что, по мнению О. Мороз, такая позиция не является эксклюзивной и регионально локализованной или религиозно детерминированной. Она убеждена, что в целом виртуальные формы мемориализации не относятся сегодня к категории сверхвостребованных. Основная причина столь низкой популярности мемориально-виртуального ресурса в эпоху тотальной виртуализации жизни, по ее словам, заключается

в том, что «в разных культурах до сих пор существует пиететное отношение к смерти, к памяти. Люди не хотят это оцифровывать и боятся, что с такой оцифровкой потеряется представление о бытии, которое нас определяет» [1].

Сегодня digital memory studies обрели свой самостоятельный статус в системе мемориальных исследований, их предметное поле и методологические основания определены достаточно четко, а тематическое разнообразие исследований возрастает с каждым годом. Это обусловлено, прежде всего, тем, что пространство Интернета продолжает продуцировать новые виртуальные формы мемориализации, а уже существующие – постоянно подвергаются модернизации и трансформации. Еще 20 лет назад Э. Майер и К. Леггеви отмечали, что «интернет в качестве интерактивного средства с его потенциалом массовой коммуникации превратился в важное виртуальное пространство памяти, где сходятся приватное и публичное, близкое и дальнее, локальное и глобальное» [11, с. 291]. Современные процессы кибермемориализации подтверждают данную мысль, проникая во все сетевые сервисы, даже в те, которые изначально не были адаптированы под сохранение памяти.

Список литературы

1. Мороз О. Цифра все помнит // Портал «Постнаука». 10.07.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/talks/155294> [дата обращения: 28.02.2023].
2. Santino J. Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 432 p.
3. Refslund D., Gotved S. Online memorial culture // New Review of Hypermedia and Multimedia. 2015. Vol. 21. P. 1-9.
4. Walter T. New mourners, old mourners: Online memorial culture as a chapter in the history of mourning. Bath: University of Bath, 2015. 282 p.
5. Willis E., Ferrucci P. Mourning and grief on Facebook: an examination of motivations for Interacting with the deceased // OMEGA-Journal of Death and Dying. 2017. № 2. P. 1-19.
6. Carroll B., Landry K. Logging on and letting out: using online social networks to grieve and to mourn // Bulletin of Science, Technology & Society. 2010. № 30. P. 341-349.
7. Brubaker J.R., Hayes G.R., Dourish P. Beyond the Grave: Facebook as a site for the expansion of death and mourning // The Information Society. 2013. May. P. 1-42.

8. Рунаев Т.А. Виртуальные кладбища как коммеморативные практики: разновидности и векторы развития // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. Вып. 3, № 244. С. 111-119.
9. Ксенофонтова И. Визуализация мемориальных практик: интернет-сайт как «книга памяти» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5, № 6. С. 133-144.
10. Нора П. Франция-память. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 333 с.
11. Meyer E., Leggewie C. Collecting Today for Tomorrow // Medien des kollektiven Gedächtnisses. 2004. № 1. P. 278-291.

Сведения об авторе:

Ярычев Насруди Увайсович, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, проректор по учебной работе Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова

ул. Асланбека Шерипова, 32, Грозный, 364037
nasrudiny@mail.ru

Дата поступления статьи: 10.02.2023
Одобрено: 27.03.2023
Дата публикации: 31.03.2023

Для цитирования:

Ярычев Н.У. Виртуальные кладбища как феномен digital memory studies // Сфера культуры. 2023. № 1 (11). С. 87-93. DOI: 10.48164/2713-301X_2023_11_87

УДК 004:316.776

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_11_87

N.U. Yarychev

Grozny
Kadyrov Chechen State University
nasrudiny@mail.ru

VIRTUAL CEMETERIES AS A PHENOMENON OF DIGITAL MEMORY STUDIES

Digital memory studies are one of the current areas of modern memorial research. The article is devoted to understanding the essence of the main virtual memorial phenomena that make up the subject area of this area: web memorials, a memorial cluster of social networks, virtual cemeteries. The article

pays special attention to the specifics of the perception of virtual cemeteries by modern Chechens as representatives of a conservative type of memorial culture.

Keywords: memorial culture, digital memory studies, cyber memorialization, web-memorials, virtual cemeteries.

References

1. Moroz, O. (2020) Cifra vse pomnit [The Digit Remembers Everything]. *Portal «Postnauka»* [PostScience Portal]. 10.07.2020. URL: <https://postnauka.ru/talks/155294> [Accessed 28.02.2023]. (In Russian).

2. Santino, J. (2011) *Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death*. New York: Palgrave Macmillan. (In English).
3. Refslund, D., Gotved, S. (2015) Online Memorial culture. *New Review of Hypermedia and Multimedia*. Vol. 21. (In English).
4. Walter, T. (2015) *New Mourners, Old Mourners: Online Memorial Culture as a Chapter in the History of Mourning*. Bath: University of Bath. (In English).
5. Willis, E., Ferrucci, P. (2017) Mourning and Grief on Facebook: an Examination of Motivations for Interacting with the Deceased. *OMEGA-Journal of Death and Dying*, No. 2, 1-19. (In English).
6. Carroll, B., Landry, K. (2010) Logging on and Letting out: Using Online Social Networks to Grieve and to Mourn. *Bulletin of Science, Technology & Society*, No. 30, 341-349. (In English).
7. Brubaker, J.R., Hayes, G.R., Dourish, P. (2013) *Beyond the Grave: Facebook as a site for the expansion of death and mourning*. The Information Society. (In English).
8. Runaev, T. A. (2019) Virtual'nye kladbishcha kak kommemorativnye praktiki: raznovidnosti i vektory razvitiya [Virtual Cemeteries as Commemorative Practices: Varieties and Vectors of Development]. *Vestnik Ady'gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya* [Bulletin of Adyghe State University. Series 1. Regional Study: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Culture Studies], Issue 3, No. 244, 111-119. (In Russian).
9. Ksenofontova, I. (2011) Vizualizaciya memorial'ny`x praktik: internet-sajt kak «kniga pamyati» [Visualization of Memorial Practices: an Internet Site as a "Book of Memory"]. *Interakciya. Interv`yu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Intepretation], Vol. 5, No. 6, 133-144. (In Russian).
10. Nora, P. (1999) *Franciya-pamyat`* [France-Memory]. Saint Petersburg: St. Petersburg University Publishing House. (In Russian).
11. Meyer, E., Leggewie, C. (2004) Collecting Today for Tomorrow. *Medien des kollektiven Gedächtnisses*. No. 1, 278-291. (In German).

About the author:

Nasrudi U. Yarychev, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Philosophy, Vice-Rector for Academic Affairs at Kadyrov Chechen State University

32 Aslanbek Sheripov Str., Grozny, 364037
nasrudiny@mail.ru